

В. А. ЖУКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК БАЛЛАДЫ В. СКОТТА

Павлова М. В.

*кандидат филологических наук, доцент
Томский государственный университет
Томск, Россия*

E

t

Статья представляет собой компаративный анализ баллады В. Скотта «The Eve of St. John» и его вольного перевода на русский язык в исполнении В.А. Жуковского («Замок Смальгольм»). Особое внимание при сравнении уделяется жанровым особенностям оригинала и перевода, сюжетным трансформациям, а также стилистическим особенностям обоих произведений.

Ключевые слова: В. Скотт, В.А. Жуковский, поэзия, перевод, баллада, компаративный анализ.

V. ZHUKOVSKY – THE TRANSLATOR OF W. SCOTT'S BALLAD, «THE EVE OF ST. JOHN»

Pavlova M.

The article presents the comparative analysis of W. Scott's ballad, «The Eve of St. John», and its free translation into Russian performed by V. Zhukovsky («Smaylhome Castle»). Special attention is paid to genre peculiarities of the original and the translation, transformations of the plot, as well as stylistic peculiarities.

Key words: W. Scott, V. Zhukovsky, poetry, translation, ballad, comparative analysis.

o

t

Баллада В. Скотта «The Eve of St. John» была написана в 1799 г. при любопытных обстоятельствах. Известно, что баллада создавалась специально для сборника «Чудесные рассказы» («Tales of Wonder») М.Г. Льюиса, который вышел в 1801 г. Баллада впервые увидела свет в 1800 г., когда было выпущено отдельное издание под названием «The Eve of St. John. A border ballad» («Иванов вечер. Пограничная баллада»). Для В. Скотта это произведение а знаковое во всех отношениях. Баллада «The Eve of St. John» явилась первым оригинальным произведением писателя и стала важным шагом на пути создания поэм, а, впоследствии, и эпоса в прозе.

Для российского читателя баллада «The Eve of St. John» – одно из самых известных поэтических произведений В. Скотта. И известность ему принёс блестящий перевод В.А. Жуковского. В России балладе Жуковского-Скотта «Иванов вечер» посвящено большое количество литературоведческих трудов. С.С. Аверинцев, Э.М. Жилиякова, Ж.В. Курдина, Р.В. Иезуитова, Б.Г. Реизов, И.М. Семенко, А.С. Янушкевич и другие литературоведы исследуют особенности перевода этой баллады Жуковским в своих работах.

Ученые полагают, что перевод баллады был начат в мае и закончен в июле 1822 г. Время написания «Замка Смальгольм» совпадает с активными поисками В.А. Жуковского в области литературных жанров. Немалое внимание В.А. Жуковского уделялось вопросу соотношения лирического и эпического начал в литературе. В процессе осмысления этого вопроса

В.А. Жуковский обращается к жанру лиро-эпической поэмы, в которой черты поэзии и прозы слиты воедино.

В контексте этих жанровых поисков, обращение В.А. Жуковского к балладе В. Скотта «Иванов вечер» представляется объяснимым. В.А. Жуковский, лирик по своей природе, размышляя над способами привнесения эпического элемента в свои произведения с целью освоения жанра романтической поэмы, не случайно обращается именно к В. Скотту, мастеру романтического эпоса.

Интересным представляется вопрос о жанровой отнесенности «Замка Смальгольм». Совершенно очевидно, что В. Скотт создавал народную балладу. Перевод В.А. Жуковского по своим признакам также соответствует жанру баллады, однако копии автографа «Замка Смальгольм» отражают процесс жанровых поисков русского поэта. В одной из них (Пушкинский Дом. №27777), озаглавленной «Иванов вечер. Шотландская баллада», слово «баллада» в названии зачеркнуто и заменено словом «сказка». В другой копии (Пушкинский Дом. №9642), датированной 24 июня, произведена обратная замена («сказка» – зачеркнуто, оставлено – «баллада»). Вопрос о том, почему «Замок Смальгольм» назван автором сказкой в первых печатных изданиях, хотя его принадлежность к балладному жанру не вызывает сомнения, представляет немалый интерес для исследования.

Одна из характерных особенностей перевода этой баллады, по словам А.С. Янушкевича, установка на повествовательность [2, с.188]. «Замок Смальгольм» знаменует новый этап развития балладного творчества русского поэта. Доминирующий лиризм ранних баллад В.А. Жуковского сменяется «установкой на субстанциальные формы бытия, событийность», запускается процесс «эпизации баллады» и ее сближение со стихотворной повестью [2, с.208]. Этот процесс сопровождается стиранием жанровых границ между балладой, повестью и сказкой в творческом восприятии В.А. Жуковского.

Жанровая ориентированность сказки на детскую аудиторию позволяет говорить о воспитательном аспекте, который имел огромную значимость для русского поэта, особенно в контексте нравственно-ориентированного творчества В. Скотта. К несчастью для Жуковского, содержание баллады было воспринято цензорами как безнравственное с точки зрения христианской морали. Иванов день, на кануне которого разворачивается действие баллады, ассоциировался с образом Иоанна Крестителя. Именно в этот день героиня баллады назначает свидание своему любовнику, что, по мнению цензоров, было совершенно недопустимо. Представители цензурного комитета потребовали от Жуковского присовокупить к балладе «Примечание, объясняющее исторические события и заимствования от народных преданий», «исключить упоминания священников, монахов, слова “поминки”, “знамение”», и, наконец, дабы уверить читателя в «истинном покаянии» главных героев и примирении их с Богом, «написать другой финал, в котором осуждена была бы “великость пороков и преступлений”» [1, с.386]. В.А. Жуковский не мог согласиться с замечаниями цензоров. Его ответ был

следующим: «И так мы в угодность их должны думать, что раскаяние не есть возвращение к добродетели, что оно, изливаясь в слезах пред алтарем в сих святых обителях, где все вещает о смерти и вечности, следственно, о покаянии, не может своею таинственную силою примирить преступника с небом – такое мнение противоречит не одному человеческому разуму, а учению Бога-Спасителя! Как же утверждать, что писатель, представляющий злодея, заключившего себя в стенах монастырских для покаяния, проповедует противное вере, что он оскорбляет святыню! В переводе моем нет точного слова раскаяние единственно потому, что его нет в оригинале, что я не хотел сделать из стихов прозу, и что само слово здесь ни мало не нужно для полной ясности» [1, с.387].

Несмотря на то, что, по словам Жуковского, в своем переводе он довольно точно передал оригинальный текст баллады В. Скотта, с точки зрения современного переводоведения «Замок Смальгольм» Жуковского имеет достаточно большое количество расхождений с подлинником и попадает таким образом в категорию вольных переводов.

Различие проявляется уже в самой специфике жанра. У В. Скотта баллада представляет собой имитацию народного балладного жанра, а целью автора было – сочинить увлекательную легенду о «делах давно минувших дней», заселить заброшенный замок живыми персонажами из средневековья и заставить читателя поверить в подлинность описанных им событий.

В.А. Жуковский преследовал, прежде всего, цель прагматической адаптации текста для русского читателя. Оригинальный хронотоп баллады Скотта, сюжет, последовательность событий, количество строф – все это осталось неизменным, однако Жуковский «разгружает» свой перевод за счет отказа от ряда географических названий, имен собственных и непонятных для русского читателя английских реалий.

Переводчик также заметно усиливает любовную тематику и психологизирует характеры персонажей, углубляя картину их духовной жизни. Разворачивая и усложняя описания переживаний главных действующих лиц баллады, поэт подробно останавливается на их жестах, мимике, тонко улавливает малейшие изменения состояния. Например, вальтер-скоттовское описание рыцаря Кольдингама «He turned him around and grimly he frowned; // потом презрительно засмеялся»), Жуковский разворачивает до: «Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел, // Он ужасен стоял при огне». Описание госпожи, занявшее у В. Скотта две строчки: «That Lady sat in mournful mood // холмы и долину), – у Жуковского превращается в «детально выписанную картину душевного потрясения» [1, с.326]: «...с печалью в лице, // Одинокуюнылая, там // Молодая жена – и тиха и бледна, // И в мечтании грустном глядит // На поля, небеса...».

Сглаживая, а где-то и полностью меняя характеристику персонажей вальтер-скоттовской баллады, русский переводчик заставляет читателя

сопереживать участникам смальгольмской драмы. События баллады Жуковского представляются более трагичными, чем в оригинале. Все повествование баллады выдержано в тональности предопределенности: возмездие неотвратимо. Герои «погибают» уже в момент совершения греха, и Жуковский дает это понять. По всей балладе встречаются намеки, указывающие на то, что страшный исход неизбежен.

Как видно из компаративного анализа, В. Скотт избегает давать собственную оценку происходящему, как это делает В.А. Жуковский. В балладе В. Скотта автор-повествователь, выдающий себя вставными фразами типа «I trow» (я полагаю), является как бы свидетелем и участником происходящих событий, что характерно для народной баллады. Баллада Жуковского, прежде всего, литературная, то есть авторская, а, значит, автор занимает особое положение. Он возвышается над происходящим, дает свою оценку событиям, поступкам героев, высказывает свою нравственно-философскую позицию.

Безусловно, все эти отступления перевода не отменяют достоинств сочинения В.А. Жуковского. Несмотря на то, что В.А. Жуковский в каком-то смысле присвоил себе вальтер-скоттовскую балладу, русский поэт никогда не скрывал ее авторства, поэтому первые читатели «Замка Смальгольм», несомненно, должны были воспринимать это произведение как вальтер-скоттовский текст, а Жуковского – как поэта, который одним из первых познакомил русского читателя с литературным творчеством В. Скотта.

Исследователи баллады «Замок Смальгольм», указывающие на несовершенство перевода В.А. Жуковского (Ю.Д. Левин, Ж.В. Курдина), во многом правы. Баллада «Замок Смальгольм» действительно несовершенна как перевод, но превосходна как оригинальное произведение В.А. Жуковского, что заметили еще современники поэта. Показательно, что после «Замка Смальгольм» в России не выйдет ни одного перевода этой баллады, что говорит о своевременности его появления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилякова Э.М. Комментарии к балладе В. А. Жуковского «Замок Смальгольм» // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 383–391.
2. Янушкевич А. С. В мире Жуковского / А. С. Янушкевич. – М.: Наука, 2006. – 523 с.

*Томский государственный университет
Павлова Мария Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
Томск, Россия
E-mail: dubenkomaria@yandex.ru*